

Журак и смена. -
2001. - июнь (№4) -
с. 15.

Премьера спектакля "Чайка" в рамках
театральной Олимпиады.

“А теперь сыграй мне широко! Ты замерзла, как все чукотские женщины вместе взятые”, — говорит режиссер актрисе. “Земля будет как будто заледенелой, покрытой инеем. Такая безнадежность”, — говорит художник замерзшему, как вся Чукотка, наблюдателю. “Режиссер требует еще пятнадцать шуб, он не верит, что вам холодно! Это же внутреннее состояние, соберитесь! Каждая шуба стоит почти тысячу долларов”, — возмущен художник по костюмам. Репетируется второй акт “Чайки” Чехова. Режиссер — Андрей Жолдак, художник — Кольо Карамфилов, художник по костюмам — Павел Каплевич. На сцене “Театра Наций” в Петровском переулке репетируют два состава, вместе и попеременно: Аркадина — Наталья Коляканова и Юлия Рутберг, Нина — Татьяна Друбич и Мария Миронова, Тригорин — Александр Балуев и Владимир Симонов, Треплев — Александр Усов и Федор Павлов-Андреевич, Дорн — Анатолий Журавлев и Дмитрий Харатьян. Премьера пройдет 10 июня. Больше ничего рассказывать не стоит, в этом случае, ей богу, лучше посмотреть.

— Первоначальный замысел смыло процентов на пятьдесят. Но я из тех режиссеров, которые закладывают в замысел дрейф по течению. При том, что я все знаю о спектакле, если вдруг на репетиции приходит видение сцены, я могу придумать совершенно другой поворот. Спектакль поворачивает движение. Но я иду за ним. В принципе, я эмпирический режиссер, интуитивного плана чувствования, поэтому и иду, маневрирую за тенью, брошенной спектаклем, которого еще нет. Я всегда работал интуитивно. Хотя, с каждым спектаклем выхожу на новый уровень очень жесткой конструкции.

Однажды на фестивале “Балтдом” мы гуляли с Някрошюсом по Питеру и он мне сказал: я готовлюсь и когда прихожу репетировать, могу сделать спектакль за две недели — я его знаю весь. Теперь я его понимаю. Сегодня какое число? Тридцатое? Первого мая мы начали репетиции, было четыре выходных, значит за двадцать четыре дня я сделал спектакль. То есть у меня он сделан, в голове. С двумя составами актеров, причем очень сложных, по пьесе “Чайка”, с дрейфующим замыслом. Но я очень быстро работаю и свой следующий спектакль, “Гамлет”, буду кастрировать еще больше. Я подумал, что, наверное, это правда — очень хорошие режиссеры, закрывая глаза, видят весь спектакль. Это было очень важно Тарковскому — влезть в камеру, указать, проверить каждый поворот, дыхание. Почему? Потому что любое отклонение актера или света, или художника сбивает замысел и тебя начинает сносить. Ты получаешь продукцию — хорошую,

Андрей ЖОЛДАК:

«У меня масса идей»

плохую — но уже не такую, как первоначально ожидал.

— Можете ли вы сейчас сформулировать свой замысел, как сделали это в самом начале репетиций?

— Сложно сегодня ответить, о чем спектакль. Наверное, обо мне. Автопортрет. В результате я пришел к тому, что ставлю спектакль о себе.

— Почему в вашей постановке занято так много актеров?

— Во-первых, этот проект наполовину продюсерский. Есть “Театр Наций” и его директор Михаил Чигирь, есть марка Face Fashion, есть продюсеры Павел Каплевич и Павел Пожигайло, у них здесь тоже свои интересы. Первоначально я настаивал на том, чтобы проект был экспериментальным, коммерческими я принципиально не занимаюсь. Но для того, чтобы спектакль жил, мне предложили два состава и настояли на этом. Поэтому два состава — это реальность.

— Но сами артисты — это ваш выбор?

— Частично мой. Мне предлагали того или другого актера, я его отсматривал и говорил, нравится он мне или нет. Приезжал в Москву раза четыре на два-три дня и отсмотрел где-то шестьдесят актеров. В Париже у меня была большая проблема, когда я ошибся с главной героиней. Хотя сейчас я понимаю, что если выйти на уровень суперрежиссера, мага, как, напри-

мер, Параджанов, можно делать спектакль со всеми. Из телефонной книги, из табуретки. Любого, даже самого бездарного актера можно сделать звездой в своем спектакле. Мне кажется, я к этому двигаюсь.

— Что для вас сейчас принципиальнее — чтобы проект вышел удачным или чтобы ваша постановка, ваши рефлексии увидели свет? Или же все сразу?

— Ты расчленишь. Что бы там художники ни говорили, как бы ни работала фантазия, но все-таки здесь существует, как сказал Феллини, постоянная проекция самого себя через творчество. Как бы мы ни прикрывались, что бы Достоевский ни говорил, при всей его вере и поиске бога в этом человеке существовала тема тяги, любви к какой-то фантазийной девочке. И он ее трансформировал. Так это и происходит с художниками — они трансформируют свои скрытые “я”. Я так скажу — чем крупнее художник, тем больше он срывает с себя покровы вечности. Люди сейчас настолько врут друг другу и себе, очень сильно обманывают себя и других, просто тотально. Но всегда есть первый, глубинный рефлекс, который мы отгоняем и прячем. А художник — это счастливый человек, который может использовать энергию своего скрытого “я”. Те, кто прячутся, проигрывают.

Вот такой Тригорин, я думаю. Для меня приоритетен, конечно, Треплев. В последней части у Чехова написано, что Треплев сломлен. Я это выбрасываю. У меня Треплев до конца Мейерхольд. До конца гений. Его может убить только смерть.

— От собственной руки.

— У меня в спектакле не от собственной руки. Я выстраиваю так, что его убивают. Это уже результат. Ряд метафизических причин, спровоцированное кем-то, чем-то убийство. Его убили.

— При этом вы ставите пьесу о театре, об актерах.

— Это параллели. Я из тех режиссеров, которые понимают: чем больше сюжетов и пластов, тем больше само произведение, тем более оно интересно. Я люблю, чтобы было много смыслов. Если снимать тебя на фоне дерева, надо понять, какое это дерево, что это значит, что за отношение: в кадре девушка, черные глаза, дерево, она вроде интервью берет. Все должно иметь второй, третий, четвертый сюжет параллельно с примитивным бытовым.

— Какой вопрос сегодня занимает вас как художника более всего?

— Жажда непрерывности процесса репетиций. После “Тараса Бульбы” у меня произошел такой прорыв! Если вспомнить мои спектакли до “Тараса Бульбы” и после, с меня как будто снята крышка: появился почерк, появилась мощная, неуправляемая энергия, которая завораживает и раздражает, но она — моя. Поэтому у меня состояние как будто бы ненацелованности, я хочу разжать, я хочу закончить спектакль и дальше ставить другой, третий, четвертый, пятый, шестой. У меня масса идей. Для меня установка на два-три месяца — катастрофа, настолько сильные сейчас идут потоки. В этом мое бесшее желание и счастье.

“Мы играем спектакль о том, что если в мире не будет гармонии, не будет любви...” — говорит режиссер Андрей Жолдак артисту, опоздавшему к началу репетиции. Фразу он не заканчивает. “На заднем плане, в сцене о людях, львах и корюпках будет такое, знаете, видение апокалипсиса: красный дым, вращающиеся механизмы”, — доверительно шепчет Кольо Карамфилов. Что за любопытные персонажи подобраны в “Театре Наций”? Приглаждаются — обычная труппа. Занята делом. Репетирует “Чайку”.

Беседовала Дарья КОРОБОВА

• Андрей Жолдак,
Юлия Рутберг,
Александр Балуев,
Татьяна Друбич
на репетиции “Чайки”

Фото В.ЛУПОВСКОГО